



## ОДИН ПРОТИВ СТА

Группа наших разведчиков натолкнулась на немецкий дозор. Спустился вечер. Немцы не подозревали об опасности. Какая могла быть опасность здесь, в глубоком тылу? Стояла мягкая, успокаивающая тишина. Фашистский дозор лениво поглядывал по сторонам. А разведчики скользили бесшумно, почти сливаясь с землей.

Старший сержант Василий Кисляков почувствовал, как бьется у него сердце. Так было всегда перед смелым броском, перед возможным смертельным риском. Потом жар волнения схлынул. Кисляков взвесил все, принял решение — оставалось действовать, и спокойствие возвратилось к нему. Еще раз он мысленно проверил свой план. План был дерзкий, но старший сержант знал: смелость берет города. В нем жила какая-то пламенная уверенность, что произойдет все так, как он себе рисовал. И еще он знал, что самое главное — не колебаться ни одной мыслью, ни одним чувством в бою.

Фашисты изредка смотрели и в сторону разведчиков, но, очевидно, ничего не замечали. Бойцы подползали ближе. Уже они ясно слышали голоса, — фашисты передвигались, разговаривали, чистили оружие, курили; некоторые лежали; несколько человек возились с пулеметом. Невдалеке, вытянувшись строем, стояли броневики.

Сюда, на броневики, нужно было направить первый удар. Кисляков приказал нескольким бойцам ползти к машинам.

Он шопотом объяснил задачу:

— Как только услышите «ура» — действуйте. Забросайте броневики гранатами, выведите из строя. Пошли, товарищи!

И бойцы снова «пошли» вперед, ползком на животе, медленно и бесшумно, напрягаясь до предела и стараясь в самую последнюю минуту не выдать себя. Два-три десятка метров отделяло их от фашистов...

И вот прозвучало громкое, неожиданное, стремительное «ура», и тотчас же все смешалось: гранаты подбили неподвижные броневики; люди закричали, заметались в панике; загремели взрывы и выстрелы, и только что царившая тишина обернулась внезапным хаосом и смятением...



Какие были шансы у небольшой группы советских разведчиков опрокинуть и смять целое фашистское подразделение, подбить грозные броневые машины и заставить немцев бежать? Казалось бы, никаких... Но смелый расчет, но русское бесстрашие, но мужество и находчивость героических наших бойцов легли на чашу весов и перевесили. Старший сержант Кисляков хорошо рассчитал. Внезапность удара, стремительность и смелость атаки сделали свое дело. Немцы даже не успели понять, что произошло. Фашистские вояки бежали, бросая оружие, сдаваясь в плен, не оглядываясь назад.

Кисляков знал, что нужно действовать быстро, решительно, прежде чем фашисты опомнятся и придут в себя. Он вбежал в палатку, оставленную врагом. Там он увидел железный ящик. В нем лежали секретные документы врага. Захватив ящик, Кисляков вернулся к бойцам.

— Все в порядке, товарищи!

Боевое задание командования было выполнено. Отважные советские разведчики пустились в обратный путь.

Сколько таких смелых, бесстрашных рейсов в глубокий тыл врага совершил комсомолец-краснофлотец Василий Кисляков! В дни войны он сразу проявил свои прекрасные боевые качества. Особенно искусным он оказался в разведке. Это сразу стало его стихией: по узким каменистым тропам, по скатам холмов и сопок, в жесткой траве тундры Кольского полуострова пробираться одному или вместе с бойцами своего отделения в расположение немецких и белофинских частей, являться «незваным гостем» и, пользуясь паникой, захватывать секретные документы, добывать «языка», громить обозы врага...

Каждая его разведка стала подвигом, доблестным, героическим. Он резал телефонные и телеграфные провода прямо перед носом противника. Свинцовый ливень пуль не раз хлестал вокруг храбреца. Кисляков из самых трудных положений умел выходить невредимым. Искусство разведки тянуло его к себе так же, как тянет пилота искусство летать. Он вновь и вновь уходил в разведку. Он устраивал засады там, где двигались фашистские части. Он смело вдруг вставал на их пути с небольшой группой таких же, как он, храбрецов и первым бросался в атаку. Он безошибочно выбирал момент, когда нужно было напасть на врага. Он всегда появлялся нежданно-негаданно и, прежде чем фашисты успевали опомниться, наносил им жестокий удар.

Он обнаружил настоящий военный дар. Никто лучше его не умел так ловко, так незаметно и тайно пробираться к врагу, чтобы потом с невиданной смелостью, с настоящим бесстрашием воспользоваться внезапностью своего появления. Это самое характерное в Кислякове — прекрасное мастерство разведки, соединенное с беззаветной отвагой, с искусством внезапного нападения на врага.

Таков Василий Кисляков. И одинок ли он? Черты, которые поражают нас в его облике, это черты, которые мы находим у тысяч бойцов нашей армии, у моряков Красного флота; мы встречаем их, эти черты, во всем нашем народе. Василий Кисляков — сын своей родины. Мужество, осторожность, решительность, быстрота, находчивость —





*Герой Советского Союза старший сержант В. Кисляков на огневой позиции.*

таковы эти черты героя. Отвага сочетается с точным и смелым расчетом. Военную смекалку и мастерство дополняет бесстрашный, беззаветный порыв, а беспредельную самоотверженность укрепляет твердая, непоколебимая вера в себя, в свой народ и победу.

Именно таким проявил себя Василий Кисляков в самом героическом, в самом славном своем подвиге.

Отделению Василия Кислякова поручили занять высоту Н. Высота имела важнее стратегическое значение. Сейчас она была ничья. Ее нужно было захватить до того, как это сделает враг, и затем оборонять до последней возможности.

— Держитесь как можно упорней, — сказал командир Кислякову. — До последнего патрона, до последних сил. Сопка должна быть у нас.

Он ответил просто:

— Есть, товарищ командир.

Отряд двинулся к высоте. Они пришли во-время. Как раз в этот момент показалась полурота фашистских солдат. Спустившись с соседней сопки, она двинулась к высоте Н. Отделение Кислякова опередило ее.

Кисляков отдал команду — замаскироваться, спрятаться в камнях. Бойцы окопались. Лязгнул один винтовочный затвор, другой...

— Не торопитесь, — предупредил Кисляков.

Он был спокоен. Он знал, что бой будет упорный, жестокий:



он видел, что силы далеко не равны. Но это не пугало. Он твердо был уверен, что сопки не сдаст, что в самую трудную минуту найдет выход.

— Есть приказ, — сказал он почти строго, — сопку не сдавать ни под каким видом... Костями лечь, но удерживать сопку... Слышали?

Бойцы дружно ответили:

— Есть удерживать сопку!

Они любили своего командира и верили в него, несмотря на его молодость. Одно присутствие старшего сержанта подбадривало и придавало всех.

Темные каски фашистов уже мелькнули на скате.

Начинался бой.

Немцы и белофинны открыли жесточайший огонь из орудий, минометов и пулеметов по трем сопкам.

Сопка молчала.

— Не торопитесь, — еще раз предупредил отделение Кисляков.

Решив, что наступление подготовлено, фашисты полезли в атаку.

Сопка молчала.

Только подпустив вражеские цепи на несколько десятков метров, Кисляков коротко бросил:

— Вот теперь время.

И командовал:

— Огонь!

Человеческие тела покатались по склону сопки. В строю фашистских солдат сразу образовалась брешь. Застонали раненые. Замешательство

охватило немецко-финских солдат. Некоторые повернули назад. Перед ними выросли офицеры. Фашисты снова полезли вверх.

Кисляков стиснул зубы:

— Подавить чертам, если им мало... Огонь по зверью!

Фашистская полурота не выдержала и стремительно покатались вниз.

Первая атака была отбита.

Но за ней последовала вторая. Немцы стали обходить сопку, стараясь взять горсточку краснофлотцев в кольцо.

Сопка снова ответила дружным и метким огнем. Вражеские цепи расстроились вновь и покатались назад.

— Так-то, гады! — довольным сказал Кисляков.

Но неожиданно ему доложили:

— Патроны кончились.

Этого он боялся больше всего. Было совершенно ясно, что фашистская полурота возобновит штурм сопки. Кольцо постепенно сжималось.

Кисляков отдал приказ:

— Приготовить гранаты!

Пристроив между камней пулемет, он поливал огонь цепи противника. По скату сопки снова карабкались немцы. Вниз полетели гранаты. Огненный ураган разметал шеренги фашистов. Немцы не выдержали

и застали.



Прошел час, другой. Бой продолжался. Неравный, но упорный, жестокий бой: Кислякову сказали:

— Гранаты тоже кончились.

Кисляков быстро взглянул на бойцов. Он еще раз соразмерил свои силы и силы фашистов. Он тут же принял решение: если нет патронов и винтовки уже не в силах говорить с врагом, если нет гранат, надо сохранить бойцов, живую силу, товарищей, друзей. Он коротко приказал бойцам отойти.

Бойцы заколебались.

— Отходите! — повторил Кисляков и добавил: — А я сумею прикрыть отступление.

Все ближе и ближе мелькали в кустарнике фашистские каски. Откатывались, исчезали одни, но тут же появлялись другие. Медленно, но упорно ползла вверх линия темных касок.

Неужели сопка будет сдана?

Нет, ни на одну секунду не допускал этой мысли отважный комсомолец. Он продолжал разгоряченно и в то же время расчетливо бить врага. Рядом с ним стреляли Кухарев и Занозин. Но скоро и тот и другой расстреляли весь свой запас. Они лежали молча, бессильные чем-либо помочь командиру. Кисляков приказал отойти и им.

Теперь он остался один — один против семидесяти, может быть восьмидесяти, может быть ста фашистов. Им овладело какое-то упоение, вдохновение боя. Он зорко следил за каждым движением врага. Немцы появлялись на одном фланге — он бил их тут. Выскакивали на другом — он переносил огонь туда. Казалось, он дерется за все свое отделение, за всех своих бойцов — и тех, что уцелели в бою, и тех, что уснули на сопке, пустынной северной сопке, последним, смертным сном...

Четыре вражеских пулемета поливали жестоким огнем героического защитника сопки. Но Кисляков оставался невредим. Внезапно прямо у ног его упала мина. Кисляков вздрогнул: «Неужели конец?»

Но мина не разорвалась.

Старший сержант продолжал один героически отстаивать сопку. Кисляковский пулемет ожесточенно бил по врагу. Казалось, сама ярость и ненависть к вражеским полчищам хлещет вокруг неукротимым огнем. Все больше редела фашистская полурота. Диск за диском расхододал смелый герой. Отстоять, сохранить сопку, задержать натиск врага! Только одна эта мысль владела старшим сержантом. Он продолжал самозабвенно бороться, пока не заметил, что пулеметные диски кончились. Пулемет отслужил.

Чтобы не оставить его врагу, он, воспользовавшись краткой передышкой, зарыл его в камни и щебень.

Пулемет отслужил, но была еще винтовка. Не спеша, методически точно расстреливал он врагов. Несколько раз они пытались окружить Кислякова и взять его живым. Не тут-то было! Один за другим падали фашисты на серые холодные камни холма. Тот, кто хоть немного выдвигался вперед, тут же прощался с жизнью: у старшего сержанта был верный глаз.



Наконец кончились и патроны. Вслед за пулеметом отслужила винтовка. Теперь у Кислякова осталось всего пять-шесть гранат. Что же делать? Отступить? Он вспомнил приказ командования — держать сопку до последней возможности. Раз так — значит надо бороться до последней гранаты, до последней пули, до последнего удара штыком.

Но вот и гранаты все. Кажется, уже теперь все кончено, исчерпаны все средства защиты, и выхода нет. Но выход есть, и Кисляков находит его. С лихорадочной быстротой, пока немцы еще внизу, пока они еще не доползли до вершины сопки, он ощупывает карманы погибших товарищей — и находит патроны... Значит, есть еще чем защищать сопку, есть чем громить и крошить врага!

И бесстрашный комсомолец-морьяк снова берет винтовку. Пули изрешетили его плащ, пробили походную сумку, обожгли ногу. Он продолжал стрелять. Он продолжал держаться один против нескольких десятков фашистов.

Сопка попрежнему была нашей.

Наконец он расстрелял последний патрон. Фашистские головорезы были в каких-нибудь десяти-пятнадцати метрах от верхней площадки сопки. Винтовка Кислякова молчала. Он был, по существу, безоружен. Впереди была смерть.

И все-таки он нашел еще одно оружие! Последнее оружие, решившее исход борьбы.

Пламенный мгновенный порыв охватил Кислякова. Он поднялся во весь рост и громко, чтобы его слышали внизу, на всех скатах сопки, крикнул:

— Взвод, за мной в атаку!

Это было последнее усилие героя, вдохновенный, самоотверженный шаг, в котором было все: и пламенное чувство к родине, и упоение боем, и героическое презрение к смерти, и русская прекрасная доблесть, и славная военная хитрость бойца.

Несуществующий взвод привел врага в трепет. Ужас перед штыковой атакой магически подействовал на фашистов. Все, кто был впереди, в замешательстве покатались назад. И в ту же минуту где-то внизу, со стороны, по немецкой фашистской части и в самом деле ударили дружные выстрелы. Кисляков взглянул вниз и увидел своих. Группа наших бойцов обрушилась на врага.

— Ура! — прозвучало внизу.

— Ура! — прозвучало на сопке.

Могучий восторг победы охватил Кислякова. Немцы и белофинны бежали, бросая на ходу все: оружие, патроны, — все, что мешало бежать. Некоторые даже бросали одежду. Фашистская полурота, штурмовавшая сопку, потерпела жестокий урон.

Сопка осталась у нас.

Правительство присвоило Василию Кислякову за его благородную доблесть, за его изумительное бесстрашие звание Героя Советского Союза.





Он остался один на высоте — против сотни фашистов. Он зорко следил за каждым их движением. Его пробовали взять прямыми атаками спереди, с боков, с тыла. И откатывались, оставляя десятки убитых. Четыре пулемета поливали его свинцом. Возле него рвались мины. Но герой-комсомолец Кисляков удерживал сопку до тех пор, пока не подошло наше подкрепление.